

КОГДА ТЕАТР НЕ ПУСТУЕТ

Не правда ли, читатель, мы радуемся сейчас вместе с артистами и режиссерами, рабочими сцены и декораторами Крымского драматического театра имени А. М. Горького? И давайте подумаем, что же вернуло театру зрителей.

Уж, конечно, не пьесы, в которых благородная жена обрекает себя на одиночество, не желая препятствовать счастью своего мужа, или муж осознает в конце концов, какую роковую ошибку он совершил, уйдя от покинутой жены к молодой возлюбленной. Не пьесы, где шикарно одетые дамы и джентльмены допускают опасные повороты в своей светской болтовне или устраивают в домах миллионеров ночные переполохи, кончающиеся, однако, вполне благополучно.

Нет, мы с вами, как, вероятно, и сотни, тысячи остальных зрителей, не раз видели за последнее время в театре борьбу и труд, любовь и ненависть настоящего советского человека. Нас волновала его судьба, нам было интересно смотреть на сцену. Поэтому мы и шли в театр.

Советская пьеса заняла ведущее место в репертуаре — пусть так напишут в соответствующих ведомственных отчетах. А мы с вами, наверное, скажем друг другу иначе. Мы скажем, что встречи с советскими людьми на сцене делают нас лучше, чище, богаче.

Впрочем, не каждая... Нам было, например, очень больно оттого, что люди Севастополя предстали обедненными в постановке пьесы М. Муссиенко «Слушайте, товарищи потомки!». Разве тема не обаявала театр к большой, требовательной работе с драматургом и к более глубокому сценическому решению, при котором выстрелы и прочие батальные эффек-

ты были бы уместны лишь постольку, поскольку они содействовали проявлению человеческих характеров?

Но, каков бы ни был ваш возраст, читатель, такой спектакль, как «Именем революции», даст вам многое. Если вы сами участвовали в революционных боях, на вас нахлынут воспоминания, и вам захочется быть еще энергичнее в сегодняшних трудовых буднях. Если революции совершали ваши отцы и матери, а вы, подобно Васе и Пете из этой пьесы, были тогда еще мальчишкой, вы наверняка спросите свою совесть: все ли сделано и делается вами — наследником великого революционного дела.

Если же вы пришли в жизнь позднее и только из книг, рассказов, кинофильмов знаете о революции... Тогда к вам в первую очередь, именно к вам, обращено все происходящее на сцене. Подумайте, хорошенько подумайте над увиденным и услышанным, молодой читатель! Подумайте не только, пока вы находитесь в театре, но и потом, когда возвращаетесь в уютную квартиру, когда работаете у своего станка или сидите за книгой, мечтаете вдвоем с любимой или другом, зная, что мечты ваши непременно сбудутся. Подумайте в это время о тех, кто умирал с винтовкой в руках, чтобы вы были счастливы, чтобы вы имели все. Особенно подумайте, если до сих пор вы мало интересовались, откуда у вас такое богатство.

Думать над этим заставляет не только героическая драма М. Шатрова, но и образ революции, созданный творческим коллективом театра. Режиссер заслуженный артист ЭССР В. Акинфиев раскрывает этот образ прежде всего в людях, творивших и защищавших революцию. Вещи, обстановка играют в спектакле подсобную роль. То, что на сцене присутствует лишь самое необходимое —

крыльцо захудалой станционной постройки, несколько деревьев, уголок кабинета Ленина (а не весь кабинет), — нисколько не помешало нашему восприятию революционной России. Мы аплодировали и режиссеру, и художнику М. Янковскому, когда драпировка, являющаяся неизменным фоном действия, вдруг ярко засветилась, завихрилась пламенем — пламенем революции. Но аплодировали мы первый раз, а когда пламя начало вспыхивать снова и снова, нам подумалось: не злоупотребляют ли им, зачем, например, оно в сцене страхов Петьки, оставшегося с иррегулярной в пустом помещении?

Кто-то аплодировал появившемуся в последнем акте изображению земного шара с летящим вокруг него спутником. Не знаю, как вы, читатель, а я не аплодировала. Мне показались, что режиссер и художник идут здесь против самих себя, против своего основного творческого замысла. Вспомним этот момент. Ленин думает о будущем. Заслуженный артист УССР Г. Юченков, исполнитель роли Ленина, стоит на авансцене и без слов, одним своим взглядом, устремленным далеко вперед, передает полет ленинской мысли. Зачем же отрывать от него наше внимание? Разве каждый из нас, вглядываясь во вдохновенное лицо вождя, не представлял бы себе сегодняшний день страны — день коммунистического труда, день покорения атома и космоса? Лучше бы, думается, представил, чем это позволяют делать довольно аляповатое изображение Земли и светящаяся точка над ней.

Ведь искусство Г. Юченкова, которого мы с вами уже неоднократно видели в роли Владимира Ильича, здесь проявилось с новой, особой силой. Общение вождя с детьми — людьми будущего — в этом спектакле не эпизодично, а составляет его идейно-художественный стержень. С са-

мого начала проникновенно передает Г. Юченков веру Ленина в это будущее — двух ребят, одетых почти в лохмотья, пробирающихся в Москву после смерти отца, боящихся взрослых. Дружески, по-отечески тепло протянута к ним рука Ильича. А сколько заботы, не заботишки добряка-филантропа, а заботы гуманиста-революционера в разговоре Ленина с Дзержинским о судьбе этих и миллионов других детей! И потом, в кремлевском кабинете, с каким уважением обращается Владимир Ильич к Пете и Васе, каким светом озаряются ленинские глаза, когда ребята говорят о победе революции и коммунизма, как о чем-то само собой разумеющемся!

Нас не могла не взволновать и первая встреча на крымской сцене с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским.

Помните, читатель, строки Маяковского об этом рыцаре революции? ...Юноше,

обдумывающему житье,
решающему —
сделать бы жизнь с кого,
скажу,
не задумываясь:
— Делай ее
с товарища

Дзержинского — ...

Вот образ такого человека, у которого может и должна учиться молодежь, и воссоздает артист А. Кирилловский. Перед нами именно человек мыслящий, действующий, переживающий. У него нет ни «котурнов на ногах», ни «ореола вокруг головы», против которых предостерегал Маркс, говоря об изображении деятелей революционного движения. И вместе с тем образ Дзержинского отнюдь не снижен. Дзержинский в спектакле — революционер, ленинец и тогда, когда он отказывается помиловать белогвардейскую банду от-

равителей, и тогда, когда вынужден откладывать свою поездку к сыну, которого страстно любит, и тогда, когда приводит на прием к Ленину «делегацию» — Васю и Петю.

Драматургом роль Дзержинского выписана неравномерно. Сцена его появления перед зрителями, например, во многом иллюстративна. Хотелось бы, чтобы А. Кирилловский еще больше преодолевал этот недостаток пьесы тем внутренним огнем, той напряженной работой мысли, которые были присущи Дзержинскому в жизни.

Нам запомнилась встреча не только с Лениным и Дзержинским, но и с рядовыми солдатами революции, особенно со старым рабочим, ставшим чекистом, Голубевым (арт. О. Макаров). Душевный с друзьями, он, как и Дзержинский, непримирим к врагам. Этот простой человек с зычным голосом и мозолистыми руками (мозоли не видишь, но не сомневаешься, что они есть) чутьем большевика безошибочно узнает волка в овечьей шкуре.

Запомнились нам и настоящие ребята: рассудительный Вася (арт. Н. Карягина) и озорной, с хитринкой Петя (арт. Г. Тимошина), у которых нелегкая жизнь, но светлое будущее. Правильно поступают обе актрисы там, где не играют «под детей».

Ну, а «Таня», «Таня» А. Арбузова, читатель? Не судьбой ли советского человека волнует она нас сегодня так же, как волновала и раньше. Кстати, долголетие этой пьесы — один из многочисленных ударов по

пресловутой «теории дистанции». Изгусти жизни пришли герои «Тани», и вот уже более двадцати лет со сцен самых разных театров они утверждают жизнь, как деяние на благо свободной Родины, как творчество.

Известен успех новой, крымской Тани — артистки А. Бровченко; искусно показавшей становление характера героини, ее трудный путь. Я присоединяюсь к тем, кто положительно отозвался о Тани — Бровченко, но все-таки не могу не сказать, что в первом акте эта Таня, по моему, не совсем арбузовская: слишком уж много в ней даже не юности (это было бы как раз то, что нужно), а чуть ли не детства. Хотя потом актриса действительно мастерски изображает Таню, полюбившуюся нам по пьесе Арбузова.

Очень тревожит исполнение роли Германа, мужа Тани, А. Мартоном. Совсем молодой, с хорошими данными, актер почему-то сам себе прощает и ему прощают манерность поз, жестов, интонаций — пока еще «некоторую», в отдельных моментах. А дальше?..

Это тем более тревожит, что недостаточная сценическая культура молодежи чувствуется и в других спектаклях. Возьмем хотя бы заслуженно одобренное критикой и зрителями «Кресло № 16». Режиссер А. Клименко (он же ставил и «Таню») создал яркий спектакль, в котором много выдумки, смеха, причем смеха не ради смеха, а ради того, чтобы бездарные, тупые, самовлюбленные и

трусливые людишки не мешали росту прекрасного советского искусства. В спектакле целая галерея уходящих, вернее вытесняемых из нашей современности типов, в изображении которых блеснули многие исполнители, и прежде всего, на мой взгляд, заслуженный артист УССР С. Морозов. Его и. о. директора театра Ходунов — не карикатура, а живой, вредный и опасный человек. Хорошо, что в борьбе с ним, его окружением столкнулись такие умные, самоотверженные энтузиасты нашего искусства, какими изображают своих героев и заслуженная артистка АзССР А. Рябинкина, Л. Бойко, П. Бучин и другие. Но как же неестественна артистка В. Тяпкина в роли Инги Христофоровны — молодой жены драматурга, как безлика молодежь, за исключением героини, отстаивающая современную пьесу.

В спектакле «Кресло № 16» идет борьба за современную пьесу, пьесу о нашем сегодняшнем герое — труженике, строителе коммунизма. А где же эта пьеса в репертуаре Крымского драматического театра имени Горького? Где они — птичницы и виноградары, фрезеровщики и ученые, которые обгонят Америку? К сожалению, на сцене театра их пока еще нет. Правда, готовятся спектакли о таких людях, но только готовятся. Показать их в этом сезоне не обещают.

Нет, нельзя успокаиваться и тогда, когда театр не пустует!..

М. НОВИКОВА.

«КРЫМСКАЯ ПРАВДА»
г. Симферополь

06 МАЯ 1959